

Э. Б. ПЕТРОВА

ФЕОДОСИЯ В СОСТАВЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА (ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Феодосия, слабо изученная археологически и лишь изредка упоминаемая в античной литературной традиции, тем не менее не оставила равнодушным никого, кто занимался изучением исторического прошлого северопрichernоморского региона. Древнегреческий период ее истории, породивший множество споров в науке прошлого столетия, вновь и вновь вызывает вопросы, на которые лишь иногда дает ответы, да и то, как правило, в виде гипотез. Здесь сплошные загадки, начиная от названия города и времени его основания и кончая последними годами его античной истории. Среди наиболее спорных — вопрос о месте Феодосии в составе городов Боспорского государства. Попытаемся собрать воедино имеющиеся в нашем распоряжении материалы источников и разобраться в разного рода предположениях, мнениях, содержащихся в научной литературе нового времени.

Эллинская колония Феодосия (первоначальное название, как вытекает из легенды ее ранних автономных монет, Теодонос) возникла на стыке гор, степи и моря — в представлении греков это условия, близкие к идеальным. Центром города стала возвышенность, выше посящая название Караитиной горки, что на южной окраине современной Феодосии, недалеко от мыса Ильи, замыкающего с запада Феодосийский залив. Горы и море защищали от возможных опасностей, а удобную небольшую Караитиную горку нетрудно было окружить кольцом оборонительных стен, за которыми при необходимости могло спрятаться население города. Закрытая от господствующих ветров бухта стала прекрасным убежищем для судов.

Море давало пропитание и на долгие годы определяло заметную роль торговли в экономике города. Район Феодосии не слишком богат сырьем, но и не беден им, ремесленники могли пользоваться имеющимися здесь камнем, глиной, песком, древесиной, небольшими (так называемыми непромышленными) запасами железа и угля. В соседней степи выращивался хлеб для внутреннего потребления и на вывоз. Предгорье и особенно степь стали зонами общения эллинов с аборигенным населением — таврами, скифами, позже сарматами. Место для поселения было привлекательным, и греки не посчитались даже с тем, что поблизости фактически не было никаких других достаточно крупных городов, которые могли бы в случае необходимости оказать поддержку и помощь, в то время как побережье Керченского пролива было буквально усеяно ими.

Ариан (Перипл, 30), а вслед за ним Аноним (Перипл, 77) утверждают, что Феодосия была колонией Милета. Э. Р. Штерн справедливо отвергает необоснованную гипотезу Брандиса об основании города Пантисапеем, курьезом представляется и версия П. Сумарокова, что пришлые милетяне якобы выпросили у скифо-тавров разрешение и обманом основали Феодосию (1, с. 3—4, прим. 6, с. 12—13; 2, с. 56—57). Но уже И. Муравьев-Апостол называет метрополией Феодосии Милет и связывает появление первых поселенцев с серединой VI в. до н. э.; Г. Караулов без каких-либо аргументов относит основание города к середине VII в.; П. Мурашевский конкретизирует дату — 545 г. (однако ни один источник не

дает повода для такой точности) (З. с. 212; 4, с. 543; 5, с. 669). О времени возникновения города мы судим по археологическому материалу из раскопок преимущественно прошлого века — чернофигурной керамике и терракотам греческого производства, сделанным не ранее второй половины VI в. Эти находки позволили Штерну датировать основание Феодосии VI в. и проследить ее связи с Афинами в раннее время (1, с. 2-4, табл. 2). Современные исследователи единодушно сходятся на середине или второй половине VI в. до н. э. (6, с. 64; 7, с. 22, 58, 192; 8, с. 60; 9, с. 168; 10, с. 21; 11, с. 68).

Греческие апойкии обычно сохраняли полисную форму организации общества, присвоенную с родины их основателями. Из-за скудости источниковых данных трудно сказать, какими были колонии по своему политическому устройству. Э. Р. Штерн полагал, что в ранний период в них не было почвы для образования сильной аристократической партии (видимо, он подразумевал при этом какую-то демократическую форму правления (1, с. 6). По мнению С. А. Жебелева, в Паптикапее, а также Феодосии до ее присоединения к Боспору имелся свой верховный магистрат — архонт, и вообще по части управления Паптикапей копировал государственный строй метрополии — Милета (6, с. 72—73; 9, с. 168, прим. 2). Между тем Ю. Г. Виноградов обратил внимание на отсутствие такой верховной и единоличной магистратуры, как архонтат в Милете и его аойкиях в эпоху архаики и классики (титул же архонта мог быть избран правителями будущего Боспорского государства как политико-правовой термин для авторитарного режима и должен был служить политической пропаганде правителей-тирафов, полисные институты в этом выборе не играли никакой роли), при этом в родственных милетских колониях Причерноморья, например, Ольвии, Истрии, Томах, наблюдается «полное копирование и стабильный континуитет учреждений метрополии» (12, с. 440—445).

Хочется, однако, заметить, что Милет часто выступал в роли организатора колонизационного процесса, он собирал желающих принять участие в основании нового города из разных районов греческого мира, особенно Ионии и соседних островов. Самому Милету просто не под силу было вывести столь большое число аойкией и заселить их

своими гражданами. Поэтому среди первопоселенцев Феодосии могли быть отнюдь не только милетяне. Отсюда и характер политического устройства нового полиса вовсе не обязательно должен был копировать милетский образец. Впрочем, Феодосия была основава примерно тогда, когда в Милете завершался бурный период политической борьбы: борьба двух партий — плутис (торгово-земледельческая верхушка, имевшая экономические и политические привилегии) и хейромаха (рядовые граждане, «демоты») — длилась на протяжении первой половины VI в. и была столь ожесточенной, что создалась угроза существованию самого милетского полиса (13, с. 14—19). Известно, что в ходе борьбы между различными группировками в рождающихся полисах Греции не редкостью было выселение представителей потерпевшей поражения партии. Возможен и такой вариант, при котором среди основателей Феодосии, как, наверное, и некоторых других аойкией, как раз преобладали милетяне — представители проигравшей партии, они могли принадлежать как к плутис, так и к хейромаха — все зависело от конкретной ситуации в Милете. Выселившимся из города в поисках новой родины людям опыт метрополии представлял разные варианты политической организации. Жители Милета пережили в эпоху архаики разнообразные коллизии: падение древней царской власти, правление аристократической коллегии молотов во главе с ежегодно сменявшимся эсиметом, тиранию — демократическую реакцию на политическое засилье знати, за которой последовал период бурных социальных битв и прихода к власти представителей зажиточной верхушки (14, с. 4—28). Но в самих аойкиях вызревали социальные противоречия и начиналась борьба, в ходе которой решался вопрос о власти. В каждом городе складывалась своя собственная ситуация, отсюда, надо полагать, и разнообразные формы правления — как демократические, так и олигархические — в зависимости от конкретных причин.

Вообще возможно, что политический строй Феодосии отличался от того, который установился, например, в Паптикапее. Не случайно она долго сохраняла самостоятельность и явно проявляла враждебность по отношению к паптикапейцам. В Феодосии жили какие-то изгнанники из Боспора (Аноним. Перипл, 77; Исократ, Трап., XVII, 5). Большин-

ство исследователей считает, что речь идет о сторонниках Археанактидов, вынужденных покинуть родину и скрываться в независимом полесе от новых правителей из рода Спартокидов, другие видят в изгнанниках противников централизации, приверженцев полисной автаркии. Значит, Феодосия чувствовала себя в силах противостоять большому соседнему государству и поддерживала оппозицию боспорской тирании? Видимо, да. На протяжении длительного времени независимая Феодосия ориентировалась на Гераклею Понтийскую и Афины. Быть может, среди первых жителей будущей боспорской столицы, возникшей ранее Феодосии, преобладали представители тех социальных групп, которые враждовали на родине со сторонниками феодосийских колонистов. Конечно, дальше гипотез мы не идем и трудно сказать, скоро ли изменится такое положение дел.

Расположенная поодаль от Керченского пролива, Феодосия первоначально не вошла в состав объединения греческих городов во главе, вероятнее всего, с Пантикапеем, произошедшего около 480 г., и еще долго сохраняла независимость. Боспоро-феодосийско-гераклеяская война, длившаяся с конца 90-х — начала 80-х гг. по конец 80-х — 70-е гг. IV в., навсегда положила конец независимому существованию города. Приобретение отдаленного города и его сельских владений значительно расширяло территорию Боспорского государства, которое теперь выходило за пределы Керченского пролива, и сузило большие возможности в плане присоединения со временем всего Керченского полуострова вместе с его скифским населением. Феодосия стала пограничным городом Боспора, ее пужно было защищать от воинственных тавров. В то же время расширение боспорских границ способствовало некоторому сдерживанию таврских пиратов на море. Завоевание города развязало руки Спартокидам и позволило все силы обратить на экспансию в восточном направлении, на азиатскую сторону Боспора Киммерийского. Потеря независимости, однако, не привела к экономическому упадку Феодосии, напротив, IV — первая половина III в. до н. э. стали для нее временем наивысшего экономического и культурного процветания. Разнообразные источники характеризуют ее как крупный торгово-ремесленный центр Северного Причерноморья. По образному выраже-

нию Ф. Лагорио, она стала «драгоценнейшим украшением в короне боспорских царей» (15, с. 418).

Покоривший город и, как кажется, давший ему новое имя — Феодосия — «Богом данная» (Ульпиан, Схолии к Демосфену, XX, 33), Левкон I гордо именовав себя «архонтом Боспора и Феодосии, царем синдов, торетов, дадариев и песссов», а Исрисад I — еще майтов, фатеев и досхов (КВН, №№ 6—11, 971, 972, 1014, 1015, 1037—1040, 1042, 1111). Исследователи склонны видеть в титуле царей правящей династии «архонт Боспора и Феодосии» намек на частичное сохранение городами (под «Боспором» в данном контексте обычно понимают греческие города) независимости и полисной структуры или на создание Спартокидами видимость их независимости; некоторые говорят об особом положении недавно присоединенной Феодосии. К. М. Колобова полагала, что понятие «архонт Феодосии» восходило к «традиционному титулу верховного магистрата феодосийского поляса», что боспорские города «сохраняли гражданскую общину и полисное самоуправление» и это последнее нашло подтверждение в надписях, где имя гражданина соседствует с его демотиконом (так, надгробная стела первой половины IV в. до н. э. гласит: «Филоксеп, сын Стратонакта, феодосиец» — КВН, № 231) (16, с. 50 сл.). Значит, понятие гражданской общины (феодосийской, пантикапейской и т. д.) не исчезло. Надписи свидетельствуют о сохранении городами их внутреннего самоуправления (наличие представительных органов власти и собственных магистратов) не только в рассматриваемое время, но и много позже. По-видимому, правителям было выгодно такое положение дел, при котором города сохраняли некоторую экономическую самостоятельность и ограбленное самоуправление — ведь именно в городах сосредоточились богатые владельцы земель, ремесленных мастерских, купцы, составлявшие для центральной власти прочную опору. Но наиболее важные дела, конечно, решали сами правители, да и степень городского самоуправления не оставалась одинаковой на протяжении всего периода правления Спартокидов. Цари вели себя по отношению к полисам так, как им было удобно в том или ином случае и в зависимости от собственной силы или слабости. Кроме того, не все города обладали одинаковыми правами. В привилегированном

положении находился Пантикапей, кажется, Спартокиды выделяли Феодосию.

Это ясно из титула правителей «архонт Боспора и Феодосии». Примечательно, что такой чести не удостоился ни один из присоединенных уже после 480 г. городов, например, Нимфей. Обращает внимание активная деятельность Левкона I по преобразованию Феодосии и ее порта. Новый торговый порт, по Демосфену (XX, 33), не уступал столичному. Да и Страбон, видимо, имел в виду именно его, когда говорил о феодосийской гавани, пригодной для сотни судов (VII, 4.4). Вполне вероятно, что обнаруженные в 90-х гг. XIX в. А. Л. Бертье-Делагардом остатки мола с множеством (более тысячи) основных свай, забитых глубоко в морское дно, относились к левконовскому порту (17, с. 126—137). По словам Л. П. Колли, в его времена этот затонувший мол был виден при тихой погоде, а при некотором волнении в бухте поднимал над собой гребень волн. Ясно, что Левкон поспешил воспользоваться всеми преимуществами, которые сулило обладание феодосийской гаванью. Победитель эффективно эксплуатировал новый порт — известно, что он посылал большие партии хлеба из Феодосии в Афины (Страбон, УП, 4, 6). Боспорский царь проводил хорошо продуманную политику, направленную на обеспечение своих собственных торгово-экономических выгод, а заодно и на более прочное приращение к своим владениям завоеванного города и его хлебной округи. Благодеяниями он в то же время рассчитывал расположить к себе свободомыслящих феодосийцев. Создается впечатление, что правитель стремился в некотором роде переориентировать экономику Феодосии, а именно: сделать городскую округу важнейшим поставщиком хлеба и значительно расширить торговые возможности порта, ставшего царским, но при этом существенно сократить объем иных производств. Такая однобокость принесла значительные сиюминутные выгоды городу, но в дальнейшем ставила жителей Феодосии и ее хоры в зависимость от ввоза (в том числе боспорского) и укрепляла власть Спартокидов над ними. Итак, важные экономические функции, которые выполнял город и его сельская округа, а также их стратегическое положение поддерживали особое отношение к ним боспорских властей на протяжении длительного времени.

Внимание ученых привлекла надпись из Керчи, в которой Перисад I назван архонтом Феодосии, даром сяндов, мантов и Фатеев (КБИ, № 9) и нет обычного «архонт Боспора и Феодосии». Шефер считал, что после смерти Левкона I его старший сын Спарток получил во владение Пантикапей с частью области (то есть собственно «Боспор»), а младший сын Перисад управлял Феодосией на правах архонта, местными племенами — на правах даря (иными словами, в течение пяти лет Спарток III и Перисад I управляли государством сообща, поделив сферы влияния); Жебелев полагал, что Спарток был «архонтом Боспора», то есть правителем всех городов, кроме принадлежавшей Перисаду Феодосии; по мнению Милнза, слово «Боспор» пропущено в титулатуре Перисада по ошибке (КБИ, № 9, с. 21—22). Практика соправительства хорошо известна на Боспоре, поэтому мы вправе предположить, что в нашем случае дело обстоит именно так. Если гипотеза Шефера со временем найдет подтверждение, то наука получит серьезное свидетельство в пользу особого положения Феодосии в рамках Боспорского царства. Известно также, что город чеканил свою монету уже после потери независимости (18, с. 139, 141, табл. II, № 82, 83, 90, 137). Значит, если все греческие города пользовались какими-то правами, пусть даже очень ограниченными, то Феодосия (разумеется, после Пантикапей) выделялась на этом фоне.

При всей скудости источников исследователи пытаются выявить особенности в положении отдельных городов, сопоставляют Феодосию с Фанагорией и Горгиппией — центрами азиатской части Боспора, расположенными тоже в окружении варварских племен (19, с. 50—58; 20, с. 24—25). Как и Феодосия, они позже других городов вошли в состав царства Спартокидов и играли важную роль в его экономике, особенно земледелии и торговле. Феодосию и Горгиппию роднило еще и стратегическое положение: оба города располагались на крайних рубежах государства — западном и восточном. Упоминутая керченская надпись (КБИ, № 9), а также анапский декрет, датированный Ю. Г. Виноградовым первой четвертью III в. до н. э., свидетельствует, что Феодосия и Горгиппия управлялись одним из Спартокидов-соправителей. Здесь хочется обратить внимание на небезынтересную мысль Ю. Г. Ви-

поградова о «сохранении и после Эмела распределении функций управления между членами династии и системы соправительства». Между тем принято считать, что Спартокиды уже с III в. отказались от титула «архов» и по отношению ко всем жителям Боспора именovali себя царями (21, с. 247).

В сложный для царства эллинистический период Спартокиды вынуждены были немало внимания обращать на пограничные области. III—II вв. датируются укрепленные поселения на юго-западной границе феодосийской хоры, возникшие, по мнению Е. А. Катюшина, в результате новых стратегических условий, на холме Биюк-Янышар (у с. Южное-Подгорное), на северном склоне г. Коклюк (в 3,6 км западнее поселения на Биюк-Янышаре), земляным оборонительным валом окружается поселение на северном склоне г. Тене-Оба (в 4,3 км западнее античного города) (22, с. 5 сл.; 23, с. 1 сл.). Надо полагать, они стали звеньями в цепи укрепленных поселений, в задачу которых входила защита юго-западных рубежей государства. Не случайно названные памятники оказались на вершинах или склонах гор, служивших естественной границей царства Спартокидов. И этот факт должен был сказаться на особом отношении властей к Феодосии и окружающим ее землям.

Не обшла Феодосию как крупный и значимый во многих отношениях для царства город и бурная Митридатова эпоха. Город упомянут в весьма лаконичном, с точки зрения историков, занимающихся изучением Боспора, херсонесском декрете в честь контийского полководца Диофанта (IPE, 1², № 352). В нем Феодосия фигурирует наряду с Пантикапеем, более того, названа перед ним. Создается впечатление, что и Савмак, и Диофант видели в этих двух городах главную силу государства, приобретению их придавали важнейшее значение. Конечно, прав Е. А. Молев, считая, что захват Феодосии давал Диофанту большие преимущества: он приобретал надежную базу для борьбы с главными силами противника, сосредоточенными в столице, здесь ему было легче укрыться в случае поражения, чем в далеком Херсонесе; захват Феодосии, наконец, отрезал скифов Керченского полуострова от скифов степного Крыма и деморализовал случайных сторонников Савмака (24, с. 43). К этому хочется добавить еще и тот

очевидный факт, что Феодосия была на пути Диофантова войска в Пантикапее. Иными словами, понтийский военачальник воспользовался удобствами географического и военно-стратегического положения города, и такая тактика принесла свои плоды: после захвата второго по значимости города Диофант мог приступить к штурму столицы. Рискнем предположительно связать многочисленные изменения и перепланировки в феодосийском городском строительстве, гибель в пожаре усадьбы на Биюк-Янышаре (следы пожарниц, упавшие деревянные балки перекрытий, пращевые камни) с упомянутыми в декрете событиями (25, с. 147; 23, с. 1 сл.; 22, с. 12; 26, с. 11—12).

Нельзя умолчать еще об одном факте, привлекающем внимание исследователей и вполне с некоторыми другими посеявшем сомнения в их умах. Арриан в своем сочинении — отчете императору Адриану называл Феодосию «пустынным городом» (Перипл. 30). Точно такую же характеристику мы встречаем в «Перипле» Анонима (77), который, как полагают, был составлен в V или VI в., хотя есть и иное мнение: он — расширенная редакция все того же «Перипла» Арриана (27, с. 9—13). Для нас важно то, что свидетельство Анонима не оригинально, оно целиком, без каких-либо изменений, взято из сочинения Арриана. Значит, разговор должен идти только об Арриане. Целый ряд сведений о Северном Причерноморье, представленный этим автором, нельзя отнести ко времени его жизни, то есть ко II в. н. э., но вполне уместно датировать временем более ранним. Арриан здесь явно опирался не на собственный опыт или опыт своих современников, а на свидетельства авторов, живших задолго до него. Эти сведения — запустение г. Тирь, переход некоторых крымских населенных пунктов в руки скифов и тавров, упадок гавани Афинеев, заброшенность Феодосии — относят, как правило, ко второй половине II в. до н. э. (28, с. 152—153; ср.: 29, с. 67—68). Если это предположение верно, то в наших руках спсодно, хотя и косвенное, свидетельство в пользу особой роли города в событиях на Боспоре княца II в. до н. э. Сопровождавшие взятие Феодосии разрушения были столь значительными, что город еще долго не мог оправиться от них и производил впечатление запустевшего. Значит, понтийцы придавали большое значение освобождению

Феодосия от мятежников и, возможно, связывали с этим свои дальнейшие успехи.

Расправившись с восставшими, властитель Понта Митридат VI Евпатор теперь падлою становится хозяином на Боспоре. Своё отношение к повой власти боспорцы продемонстрировали в 80-х гг. I в., когда отложились от Понтийского царства. Митридат, однако, усмирил непокорных, а управление над Боспором передал сыну Махару (Аллиан. Митр. войны, 64, 67). С этого времени изменилось отношение царя к его северопрichernоморским владениям: он «перестал разгрызывать роль покровителя эллинских свобод и не стремился больше демонстрировать свое благорасположение греческим городам» (30, с. 53). Но даже в этой ситуации им (по крайней мере, Феодосия) все-таки удалось сохранить некоторые права, остатки автономии. Поводом для такого суждения послужило замечание Меммова (49, 4) о поведении гераклейцев в 72 г., когда город осадили римляне. В этой ситуации они обратились за помощью к Херсонесу, Феодосии и властителям Боспора. С Херсонесом все ясно — гераклейская колония пользовалась более широкой автономией в составе державы Митридата, чем боспорские города, и рассматривалась метрополией как весьма самостоятельная сила. Обращение к правителям Боспора тоже объяснимо: с Боспорским царством Гераклею связывали давние экономические узы, а в Митридате и его сыне Махаре она видела непримиримых врагов Рима. Остается Феодосия. Почему она поставлена в один ряд с Херсонесом и особенно Боспором? Нет сомнения в том, что в трудную минуту гераклейцы вспомнили о своих друзьях, которых когда-то помогали в борьбе с боспорскими правителями и с которыми не прерывали связи на протяжении веков. Ясно и то, что осажденные остро нуждались в хлебе, а им-то Феодосия всегда была богата. Но почему Феодосия, давным-давно ставшая частью Боспора, упоминается отдельно от него, более того, наравне с ним? Рассматривалась ли она, подобно Херсонесу, как самостоятельная сила, как город, имевший автономию в рамках Боспора, или это просто дань прошлому? Возникает желание протянуть ниточку от времени Митридата к тому, когда Феодосия особо выделялась в титулатуре Спартокидов и, возможно, обладала несколько большими правами, чем иные города. Не стало ли это традицией?

Итак, Феодосия продолжала играть заметную роль в жизни Боспорского государства и на международной арене. В событиях конца II—первой половины I в. до н. э. она выступала как важный экономический, политический и военно-стратегический центр Северного Причерноморья. С ней считается Гераклея, и она помогает осажденным, бросая вызов Риму; наряду с Пауликалаем она входит в военные планы понтийских царей и их военачальников, и те делают все, чтобы ею овладеть; следуя примеру Фанагории, она включается в общую борьбу греческих городов Северного Понта против господства и всеилия Митридата VI. Видно, сильны были традиции политической борьбы, стремление к независимости, самостоятельным решениям и поступкам.

Но вот правителем Боспора становится Асандр, он правит долго, напористо и результативно. Его беспокоит безопасность государственных границ — слишком много вратов, готовых в любой момент напасть на все еще слабый Боспор. И Асандр «построил на перешейке Херсонеса (то есть Крымского полуострова.— Э. П.), поблизости от Меотиды, стену длиной 360 стадий и воздвиг на каждую стадию по десять башен», — сообщает Страбон (VII, 4, 6) со ссылкой на писателя II—I вв. до н. э. Гипсикрата с важнейшим из деяний царя. Не вдаваясь в подробности дискуссии, возникшей в науке со времен П. Палласа, Э. Кларка, И. Муравьева-Апостола и до сих пор не завершившейся (31, с. 263—279; 32, с. 57—88; 33, с. 282—291; 34, с. 91—106; 35, с. 14—22; 36, с. 145—156), хочу отметить лишь то, что «ак-монайская» теория, по которой «Асандрова стена» перегородила перешеек, отделявший Керченский полуостров от остального Крыма, и протянулась с севера на юг до гор, окаймлявших Феодосию, все еще не сброшена со счета, напротив, многими поддерживается. В ее пользу есть весомые аргументы: Асандр, получивший в наследство ослабшее, более того, разоренное государство, счел наиболее рациональным (дешево и быстро) укрепить и досыпать старые, так называемые тиммерийские валаы, построить башни и обнести рвы с целью защиты основной территории европейского Боспора с его важнейшими городскими центрами и освоенными землями на западе (поселенный скифами степной Крым экономически не был связан с Боспорским государством); он создает внешнюю

(на Ак-Монае и у Феодосии) и внутреннюю (Узунларский и Тиритакский валы на Керченском полуострове) линия обороны общей протяженностью примерно 61—63 км, то есть практически совпадающую со стадиями Страбона; отсутствие следов древних оборонительных построек на перешейке у Керченского полуострова и около Феодосии объясняется тем, что район интенсивно заселен, застроен, земли распаханы, между тем это узкое место очень удобно для создания оборонительных построек. И еще: на послевоенной топографической карте масштаба 1:200 000 восточнее Феодосии в самом узком месте Ак-Моная отмечены два вала. Это короткое сообщение К. К. Шилина, промелькнувшее на научной конференции в Ленинграде в 1986 г., подает надежды на будущие исследования. Новые поиски остатков «Асандровой стены» Страбона или «киммерийского» вала Геродота в районе Феодосии.

В положении Феодосии I-x вв. н. э. в составе Боспора также была своя специфика. Римские слои города прослеживаются слабо, да и античные авторы обращают на него мало внимания. Лучше представлены эпиграфические свидетельства. В двух почетных надписях из Керчи «великий царь Аспург, друг римлян», назван царствующим «над всем Боспором и Феодосией, скидами, мессами, тарпитами, торетами, пессами и танаитами», подчинивший скифов и тавров (КБН, №№ 39, 40). Мы видим, что Аспург, подобно Спартокидам, в своем титуле называет Боспор и Феодосию. Тем самым правитель подчеркивал законную преемственность своего правления, гордился успешным восстановлением государства в прежних размерах. В этом случае упоминание Феодосии может восприниматься лишь как дань традиции. Но вряд ли бы гордый своим положением и успехами царь стал особо выделять заброшенный, опустевший город в своем громком титуле. Видимо, Феодосия вернула себе, хотя бы частично, былую значимость и авторитет на Боспоре. В подтверждение этому приведем еще два документа эпохи — надпись 70-х гг. III в., в которой некий Менестрат назван «наместником царской резиденции и наместником Феодосии», и надпись самого начала IV в., в которой «известный августам, почтенный Диоклетианом и Максимилианом» Аврелий Валерий Сог также оказался «наместником Феодосии» (КБН, №№ 36, 64). Должность эта, ви-

димо, была почетной, ведь в одном случае ее исполнял наместник царской резиденции, названный первым в длинном списке имен царских чиновников, а в другом — человек, хорошо известный в Риме, пользующийся благосклонностью самих императоров. Все это невольно наводит на мысль, что в отношении управления город рассматривался правителями как некая самостоятельная единица. Городской порт, как и прежде, эксплуатировался в коммерческих целях, а местоположение города на западных рубежах государства делало его важным в стратегическом отношении. Своего наместника имела также Горгиния. Эти два пограничных города управлялись единообразно, через царских наместников из среды придворной аристократии. Такого же рода наместников имели некоторые области, но не было их в других городах.

В I в. до н. э.—I в. н. э. началось возрождение сельских территорий Боспора. Поселения в районе Феодосии укрепляют, что было совершенно необходимо, ведь область-то пограничная, а время тревожное. Такого рода укрепления иногда связывают с созданием системы обороны при Асандре и его преемниках (37, с. 103).

Боспорские цари дорожили Феодосией и старались удержать город даже в самое трудное для них время. Две уже упоминавшиеся надписи свидетельствуют о том, что правители ослабленного государства держали в Феодосии своего наместника. Но примечательно, что оба фигурирующих в них наместника — Менестрат и Аврелий Валерий Сог — гордятся связями с Римом и, видимо, ориентируются на него в своей политической деятельности; при этом даже не упоминаются боспорские цари, от имени которых наместники должны были управлять городом. Не чувствовали ли они себя достаточно свободными от опеки этих правителей, уже не имевших реальной власти, и не полагались ли на римских императоров на случай внешней опасности или внутренних пертурбаций? Похоже на то. Особенно кичится восточными, полученными от императоров, Аврелий Сог, бывший наместником города позже, чем Менестрат (надпись составлена в 603 г. босп. эры, то есть в 306 г. н. э.), да и имя у него римское. Для Феодосии время это было необычным. В царствование Диоклетиана (284—305 гг.), как сообщает Константин Багрянородный («Об

управления империей», 53), разгорелась война между Боспором и Херсонесом, в итоге которой граница боспорских владений отодвинулась на восток и была перенесена в Киверик (Киммерик). Значит, Феодосия вообще вышла (временно?) из состава государства. Не поэтому ли Сог не считал нужным упомянуть имя боспорского правителя и проявил такую преданность Риму? На кого же ему было опираться и надеяться?! Эта надпись позволяет также утверждать, что в начале IV в. Феодосия не потеряла статус города и управлялась она, как и прежде

де. Однако дни ее были сочтены: оказавшиеся за пределами Боспора западные земли не смогли избежать гуннского разгрома — отсюда и отсутствие в Феодосии каких-либо археологических и письменных свидетельств, могущих быть датированными временем после IV в.

Таким образом, целый ряд данных — прямых и в большей мере косвенных — свидетельствует об особом положении Феодосии в составе Боспорского царства на протяжении многих веков — с начала IV в. до н. э. и до начала IV в. н. э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штерн Э. Р. Феодосия и ее керамика. Одесса: Изд-во Музея Ими. ООИД, 1906.
2. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М.: Университетская тип., 1800.
3. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб.; 1823.
4. Караулов Г. О. О торговом значении Феодосии в древности и в средние века // Одесский вестник. 1858. № 88.
5. Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1837 г. // ИМНП. 1837. Ч. 13. № 3.
6. Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
7. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
8. Калластов Д. Б. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949.
9. Шелов Д. Б. Феодосия, Гераклея и Спартокнды // ВДИ. 1950. № 3.
10. Блаватский В. Д. Феодосия VI—IV вв. до н. э. и ее название // СА. 1981. № 4.
11. Петерс Б. Г., Голенцов А. С. Археологические раскопки Феодосии в 1975—1977 гг. // КСИА. 1981. № 168.
12. Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. М.: Наука, 1983.
13. Лаптева М. Ю. Плутис и хейромаха. К проблеме социально-политических противоречий в архаической Ионии // Вестник ЛГУ. Серия 2. Ист., языковед., литература. 1986. Вып. 3.
14. Борухович В. Г. Архаический Милет // Проблемы политической истории античного общества. Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
15. Лагорно Ф. Четыре эпохи в жизни Феодосии // ЗООИД. 1889. Т. 15.
16. Колобова К. М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. № 4.
17. Колли Л. П. Следы древних культур на дне морском // ИТУАК. 1909. Вып. 43.
18. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.: Наук. думка, 1986.
19. Гуров А. И. Феодосия и Фанагория в системе Боспорского государства // Из истории античного общества. Межвуз. сб. Горький: Изд-во Горьк. гос. ун-та. 1983.
20. Виноградов Ю. Г. Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н. э. // Конференция «Основные проблемы развития рабовладельческой формации». Тез. докл. М.: Изд-во АН СССР, 1978.
21. Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке // ВДИ. 1990. № 1.
22. Катюшин Е. А., Айбабина Е. А. Отчет о раскопках экспедиции ФКМ в окрестностях Феодосии. 1977 г. // Архив ФКМ. К. п. 26671. Н. А.—369.
23. Катюшин Е. А. Отчет о раскопках поселения IV—II вв. до н. э. на г. Биюк-Янышар в 1981 г. // Архив ФКМ. К. п. 40314. Н. А.—498.
24. Молев Е. А. Митридат Евпатор. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та. 1976.
25. Зесст И. Б. Раскопки Феодосии // КСИ ИМК. 1953. Вып. 51.
26. Катюшин Е. А. Задачи исследования сельской территории античной Феодосии. 1977 г. // Архив ФКМ. Д. 34.
27. Арбунов М. В. Античная лоцья Черного моря. М.: Наука, 1987.
28. Карышковский П. О. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса: Маяк, 1966.
29. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л.: Изд-во РАИМК, 1925.
30. Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2.
31. Шмидт Р. В. К исследованию боспорских оборонительных валов // СА. 1941. Т. 7.
32. Гриневич К. Э. Оборона Боспора Киммерийского на основании археологического материала // Уч. зап. Томск. гос. ун-та. 1947. № 7.
33. Бабков И. И. К вопросу о местонахождении Асандрова вала // История и

- археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
34. Соколовский Н. П. Валы в системе обороны Евронейского Боспора // СА. 1957. Вып. 27.
35. Масленников А. А. Еще раз о боспорских валах // СА. 1983. № 3.

36. Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Древние укрепления Северного Крыма // ВДИ, 1986. № 2.
37. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука. 1975.

В. А. СИДОРЕНКО

«ГОТЫ» ОБЛАСТИ ДОРИ ПРОКОНИЯ КЕСАРИЙСКОГО И «ДЛИННЫЕ СТЕНЫ» В КРЫМУ

Но помимо этого, многие века, которые протекли со времен тех, кто раньше писал об этих вопросах, внесли новое в положение дела, могли изменить то, что было прежде, в силу ли переселения племен, в силу ли следовавшей одна за другой перемены властей и названий; поэтому я считал крайне важным все это точно расследовать и изложить, а не те всем известные мифические легенды или древние сказания, не занимаясь расследованием, в каком месте Эвксинского Понта, по словам поэтов, был прикован Прометей; я ведь полагаю, что между историей и мифологией большая разница.

Прокопий из Кесарии. Война с готами, VIII, 1, 11—12, перевод С. П. Кондратьева

Письменные источники содержат разрозненные и далеко не полные свидетельства о населении Таврики в раннесредневековое время, привлекаемые в работах Ф. Бруда (1, с. 2 и сл.; 2, с. 123—125), В. Томашека (3, с. 2—49), А. А. Васильева (4, с. 265—344; 5, с. 179—191; 6, с. 3—80) и ряда других исследователей (7, с. 7—29; 8, с. 320—326; 9, с. 58—66). Одним из наиболее важных для исторической топографии и сопоставления с конкретными археологическими памятниками является сообщение Прокопия Кесарийского в трактате «О постройках» о стране или области Дори, населявшейся готами, и возведении здесь при Юстиниане I (527—565 гг.) «длинных стен» (10, III, 7, 13—17; 11, с. 249—250).

Наряду с различными точками зрения на местоположение Дори в пределах Крымского полуострова, в недавнее время высказывалось мнение о возможности нахождения ее вне Крыма (12, с. 232). Подобные разногласия в локализации Дори и важность всего связанного с нею круга проблем для раннесредневековой истории Таврики побуждают вновь обратиться к свидетельству Прокопия.

Посетившие Крым путешественники по-

следней четверти XVIII в. могли пользоваться далеко не совершенным венечанским изданием текстов Прокопия 1729 г., повторившим парижское 1662—1663 гг. (13, 14). В 1800 г. увидела свет книга С. Сестренцевича-Богуща «Исторические судьбы Таврического полуострова», переведенная с французского на русский язык в своей публикации 1806 г. Эрудированный автор соединил сообщение Прокопия о Дори с его же рассказом в «Войне с готами» о переселении из Тамани — как было понято Богущем — на Боспор готов-тетракситов, связав иное, встречающееся в разночтениях рукописей их название «транезиты» с горой Трапезус, упоминаемой Страбоном и отождествляемой (начиная с П. С. Памласа) с Чатырдагом в Крыму. Располагая тетракситов на Боспоре, Сестренцевич-Богущ пишет: «Другая часть Готфов, живших издавна в Таврии, и которые вместо того, чтобы следовать за царем Феодориком, оставались под защитой Гуннов и Огров, были Готфо-Транезиты. Греки дали им сие имя по виду их местоположения на вершине горы Синаи-дага, гладкой как доска... Сия страна называлась Дорис...» (15, с. 276).